Криминологическое прогнозирование и планирование противодействия преступности в регионе

Абызов Константин Равилевич
Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Барнаульский юридический институт МВД России,

Титаренко Андрей Павлович
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматривается региональное криминологическое прогнозирование как практическая часть предупреждения преступности. Основной вопрос состоит в том, как связать анализ криминогенной ситуации с конкретными мерами, сроками и показателями результата. Рассмотрены подходы к криминологическому планированию, территориальные различия, требования к исходным данным и способы проверки прогноза. Отдельное внимание уделено региональной практике, виктимологическим рискам и использованию технических систем. Авторы исходят из того, что программа профилактики должна не только фиксировать мероприятия, но и давать возможность проверить, сработали ли они и требуется ли их корректировка.
Ключевые слова: криминологическое прогнозирование, программы по противодействию преступности, региональная преступность.

Криминологическое прогнозирование имеет практический смысл лишь тогда, когда помогает заранее заметить изменение ситуации и скорректировать профилактическую работу. Одной динамики зарегистрированных преступлений для этого мало. Меняются способы их совершения, связи между участниками криминальной деятельности, запрос населения к правоохранительным органам. Причем в разных регионах эти процессы проявляются неодинаково. Поэтому единый набор мер быстро устаревает, а планы приходится пересматривать по мере появления новых данных. Сам подход к плановой борьбе с преступностью не нов: в СССР он активно обсуждался уже в середине 1980-х годов. В. Н. Кудрявцев сформулировал эту мысль предельно ясно: «Преступность – стихийный процесс, но борьба с ней может и должна быть плановой и организованной».

В прикладном смысле криминологическое планирование начинается с изучения самой преступности, ее причин и условий, а также характеристик лиц, склонных к совершению преступлений. Дальше эта работа распадается на несколько связанных действий:

а) Проводится вероятностное прогнозирование криминогенной обстановки на разных уровнях: в стране, регионе, городе, районе.

б) Оцениваются необходимые силы и средства правоохранительных органов или отдельных их подразделений.

в) Разрабатываются меры по предупреждению и пресечению возможных преступных проявлений.

г) Принятые меры реализуются в правоохранительной и профилактической деятельности.

Эти действия связаны между собой. Прогноз показывает, где и какое изменение вероятно; план переводит этот вывод в конкретные профилактические меры. Поэтому прогноз, основанный на региональных данных, нужен не как отдельный аналитический документ, а как основание для выбора приоритетов и распределения сил.

У Г. А. Аванесова планирование раскрывается шире — как часть управленческого механизма и одна из форм управленческого решения. Такой взгляд, по нашему мнению, важен именно для регионального уровня: прогноз здесь ценен не количеством расчетов, а тем, помогает ли он принять решение. Отсюда и интерес Аванесова к комплексным целевым программам профилактики, где отдельные меры связываются общей задачей.

К попыткам оформить такую работу в виде государственных программ обращались и позднее. В 1990-е годы С. В. Бородин вместе с В. В. Лунеевым и А. М. Яковлевым участвовал в разработке «Концепции государственной системы социальной профилактики». В ней планирование и программирование рассматривались уже как часть единой системы противодействия преступности. Концепция не была реализована в полном объеме, но сама постановка вопроса сохранила значение: профилактические меры должны быть связаны не только между собой, но и с прогнозом изменения криминогенной ситуации.

Работа не ограничивалась общегосударственным уровнем. Теоретические и прикладные модели разрабатывались для Москвы, Московской, Владимирской, Тверской, Иркутской, Свердловской, Нижегородской областей, Республики Саха (Якутия), Дзержинска, Магнитогорска, а также для Казахстана. Такой перечень показывает, что уже тогда проблема рассматривалась через территориальные различия, а не только через средние показатели по стране.

Для региональной программы отсюда следует вполне практическое требование: цели и задачи должны быть привязаны к сроку, территории, конкретным видам преступлений и уровню профилактики. Иначе даже подробный перечень мероприятий трудно проверить по результату. Программа, на наш взгляд, должна связывать меры правоохранительных и других органов с теми изменениями криминогенной ситуации, ради которых эти меры вводятся.

Региональная детализация нужна еще и потому, что одна и та же общая тенденция складывается из разных местных процессов. В одном муниципалитете может снижаться уличная преступность, в другом одновременно расти дистанционное мошенничество или повторная преступность. Среднее значение сгладит эту разницу. Поэтому территориальные особенности следует рассматривать не как фон программы, а как исходные данные для выбора профилактических мер.

На наш взгляд, начинать региональное планирование с готового перечня мероприятий рискованно. Сначала нужно понять, что именно изменилось в криминогенной ситуации и какие изменения требуют постоянного наблюдения. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ определяет правовые и организационные основы профилактики правонарушений, ее участников, направления и формы работы. Но сам по себе перечень полномочий еще не связывает прогноз с действиями конкретного органа. Если, например, растет число дистанционных хищений, а региональная программа отвечает на это только общим информированием населения, без срока и проверяемого результата, практическая ценность прогноза невелика. Мы считаем полезной более простую связку: «риск – мера – исполнитель – срок – показатель».

С данными возникает другая проблема: годовой срез слишком груб: он может скрыть кратковременный рост отдельных видов преступлений или локальный всплеск в одном муниципалитете. Поэтому, по нашему мнению, нужны динамические ряды по видам преступлений, их числу на 10 000 жителей, месту и времени совершения, повторяемости, возрасту потерпевших и обвиняемых, способу совершения и размеру ущерба. Ежемесячные данные позволяют быстрее реагировать на изменения, квартальные — пересматривать меры, а трехлетний ряд — оценивать более устойчивую динамику. О. Г. Деменченок и С. А. Баранов отмечают, что трендовые модели сохраняют практическое значение, но результат зависит от полноты и сопоставимости исходных данных. Поэтому изменение порядка учета сначала следует проверить и лишь затем трактовать скачок показателя как изменение преступности.

Метод прогнозирования также не стоит усложнять без необходимости. Линейная экстраполяция проста для проверки, но хуже учитывает сезонность и структурные сдвиги. Т. Ф. Молчанова рассматривает более широкий набор методов — от статистического анализа до машинного обучения. Для региональной практики разумно постепенно усложнять модель: сначала проверить обычный тренд, затем при достаточном объеме данных перейти к временным рядам, а методы машинного обучения применять там, где они реально снижают ошибку. Если сложная модель не дает заметного выигрыша на прошлых периодах, ее использование трудно обосновать. При этом желательно указывать не только прогнозное значение, но и интервал возможных значений, показывающий степень неопределенности расчета.

Одной статистики зарегистрированных преступлений для такого прогноза мало. Ее приходится сопоставлять с оперативной обстановкой. Р. А. Лащенко и Ф. Н. Юрченко прямо связывают комплексный анализ оперативной обстановки с последующим прогнозированием и управленческими решениями правоохранительных органов. На практике это может быть сравнительно короткий ежемесячный обзор: структура зарегистрированных преступлений, сообщения о происшествиях, преступления в общественных местах, рецидив, преступления в состоянии алкогольного опьянения, раскрываемость, территории устойчивой концентрации отдельных видов преступлений. Для нас важен не любой рост показателя. Гораздо показательнее ситуация, когда одновременно меняются несколько связанных величин. Так, рост числа мошенничеств вместе с увеличением числа обращений граждан и размера ущерба уже дает повод для дополнительной профилактической работы. Один статистический скачок, напротив, сначала требует проверки причин.

Средний показатель по субъекту Федерации удобен для общей оценки, но может скрывать различия между муниципалитетами. Снижение преступности в крупном городе способно перекрыть рост в нескольких небольших территориях. Поэтому стоит учитывать не только региональный коэффициент, но и динамику отдельных муниципалитетов за несколько лет. Территории с устойчивым превышением показателей следует анализировать отдельно по структуре преступности, времени ее совершения и факторам риска. При этом в небольших районах несколько дополнительных преступлений заметно меняют коэффициент на 10 000 жителей, поэтому его необходимо сопоставлять с абсолютным числом преступлений и более длительным рядом наблюдений.

Сценарный расчет, на наш взгляд, практичнее одного точечного прогноза. Регион может рассматривать три варианта: сохранение текущей динамики, неблагоприятное изменение основных факторов и ситуацию, при которой запланированные меры дают ожидаемый результат. Смысл такого расчета не в том, чтобы заранее выбрать «правильный» сценарий. Важнее определить признаки, при которых придется перейти к другому варианту действий. Например, если фактический показатель два квартала подряд выходит за установленный диапазон, это уже основание пересмотреть ресурсы или сами меры. При быстро меняющейся ситуации ждать годового отчета слишком долго. В этом случае планирование превращается в регулярную проверку прогноза: что подтвердилось, что нет и где решение нужно менять.

Чтобы такая программа работала на практике, при ее разработке, на наш взгляд, нужно опираться на несколько методологических принципов:

Комплексность программы

Ее разработка и реализация требуют согласованного участия различных субъектов: органов государственной власти и правоохранительных органов, профессиональных ассоциаций и институтов, религиозных организаций, молодежных объединений, общественных фондов, этнических общин и отдельных граждан.

Научность программы

Меры профилактики должны опираться на оценку ситуации, анализ причин и последствий, а также прогноз развития преступности в регионе. При этом учитываются факторы, способствующие совершению преступлений (криминогенные), и факторы, препятствующие им (антикриминогенные).

Сбалансированность программы

Планируемые меры должны соответствовать текущей ситуации и учитывать факторы, влияющие на уровень преступности в регионе. Для разработки программы нужны данные о социально-экономической и демографической ситуации, состоянии общественного порядка, тенденциях преступности, факторах риска и результатах профилактических мер.

Долговременность программы

В социальном планировании используются текущие, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные планы. Сроки разрабатываемых планов определяют и соответствующие прогнозы. Анализ региональных программ предупреждения преступности показывает, что они, как правило, разрабатываются на 1-2 года, однако, по нашему мнению, более обоснованным является трехлетний срок.

Реальность и выполнимость программы

Запланированные мероприятия должны быть обеспечены финансированием. Поскольку условия меняются, программа должна допускать корректировку в процессе реализации. Для согласования работы ведомств и концентрации ресурсов на приоритетных направлениях нужны понятные механизмы межведомственной координации и контроля.

Есть еще один важный поворот анализа — от преступника к потерпевшему. Для преступлений с использованием ИКТ это особенно заметно. А. С. Лаптев связывает региональное криминологическое планирование со снижением виктимологического риска. Поэтому, на наш взгляд, важно учитывать не только способ действий преступника, но и характеристики потерпевшего: возраст, канал первого контакта, продолжительность общения, способ перевода денег, время между первым сообщением и оплатой. Значение имеет и то, получал ли человек до происшествия профилактическую информацию. Эти данные помогают выявить группы с повышенным риском.

Практический пример дает Алтайский край. В паспорте комплекса процессных мероприятий «Профилактика преступлений и иных правонарушений в Алтайском крае» установлены целевые показатели до 2030 года и объем финансирования. Предусмотрено снижение числа преступлений с применением оружия и взрывчатых веществ с 28 до 25, показателя преступлений на улицах и в других общественных местах — с 46,8 до 41,0, числа преступлений, совершенных ранее судимыми лицами, — с 7442 до 6800, в состоянии алкогольного опьянения — с 7203 до 6950. На 2024–2030 годы предусмотрено 46,805 млн рублей. Такие показатели можно сопоставлять с фактической динамикой и использовать для проверки результатов программы.

Однако абсолютное число преступлений зависит не только от профилактики. На него влияют численность населения, миграция, правила регистрации и активность выявления преступлений. Поэтому один показатель легко дает слишком благополучную или,

наоборот, слишком неблагоприятную картину. Мы предлагаем разделять показатели результата и показатели работы системы профилактики. К первой группе относятся уровень преступности на 10 000 жителей, размер ущерба, доля повторных правонарушений, структура тяжких и особо тяжких преступлений. Ко второй — охват профилактическими мероприятиями, скорость реакции на выявленный риск, число муниципалитетов, где запланированная мера реально введена. При таком подходе снижение общего числа преступлений нельзя автоматически считать успехом, если одновременно растет доля тяжких преступлений или ущерб.

Региональные данные за 2025 год хорошо показывают эту разницу. В Пензенской области прокуратура зарегистрировала 11 098 преступлений — на 23,3% меньше, чем годом ранее. Из них 5511 пришлись на имущественные преступления; раскрываемость краж выросла с 52,4 до 62,0%. В Сахалинской области общее число зарегистрированных преступлений тоже снизилось — на 6,7%, до 7 738. Но тяжких и особо тяжких преступлений стало больше: 2505 против 2237 годом ранее, рост составил 12%. Эти два примера не стоит напрямую сопоставлять как оценку работы регионов — условия различаются. Они показывают другое: общая динамика способна идти в одну сторону, а структура преступности — в другую. Поэтому профилактические приоритеты приходится определять по нескольким показателям, а не по одному проценту снижения.

С московским примером нужна отдельная осторожность. Государственная программа «Безопасный город» в 2025 году финансировалась по решениям Правительства Москвы, а в транспортной инфраструктуре действует крупная система видеонаблюдения и видеоанализа. По данным Единого транспортного портала Москвы, в метро используется более 90 тыс. камер; система видеоанализа «амбассадор» работает на всех станциях с 1 сентября 2020 года. Там же сообщалось, что в 2024 году число нарушений, связанных с проходом через турникеты, сократилось почти на 30% по сравнению с 2023 годом. Из этих цифр нельзя выводить, что именно камеры вызвали снижение нарушений: для такого утверждения данных недостаточно. Но для планирования техническая система полезна иначе. Она дает регулярный поток сведений о месте и времени событий, а значит, помогает быстрее замечать проблемные участки и менять дислокацию нарядов.

Похожая проблема возникает и при участии негосударственных структур. В 2025 году в Алтайском крае был утвержден порядок предоставления субсидий казачьим обществам на расходы, связанные с охраной общественного порядка и границ. Сам факт участия общественного формирования еще ничего не говорит о профилактическом результате. Мы считаем, что такие меры нужно привязывать к территории и времени: где именно фиксируется концентрация правонарушений, в какие часы требуется присутствие, какой показатель после этого должен измениться. Если такой привязки нет, можно подтвердить расходование средств и число выходов, но трудно ответить на более важный вопрос — изменился ли риск на обслуживаемой территории.

Цели и задачи программы предупреждения преступности

Главную цель программы можно сформулировать как сдерживание и снижение общего уровня преступности и отдельных ее видов в регионе. Ее разделение на конкретные подцели помогает распределить обязанности между участниками профилактики, установить последовательность и сроки мероприятий и контролировать их результаты.

На наш взгляд, программа, учитывающая социальные прогнозы и тенденции преступности в регионе, должна решать четыре группы задач:

Совершенствование организационных и правовых основ деятельности региональных органов государственной власти.

Планирование, разработка и реализация практических мер по предупреждению преступлений в регионе, в том числе конкретных видов преступлений.

Обеспечение контроля за реализацией запланированных мероприятий.

Укрепление и координация межрегионального и, при необходимости, международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

У каждого региона есть свои условия, связанные с социально-экономической ситуацией, географическим положением и демографическими характеристиками населения. При планировании необходимо учитывать как криминогенные, так и антикриминогенные факторы, обусловленные этими особенностями.

Региональная программа борьбы с преступностью, по нашему мнению, должна состоять из трех основных частей: аналитической, прогнозирующей и блока реализации и контроля мероприятий и их показателей.

Аналитическая часть должна содержать краткую характеристику социально-политических, экономических и демографических процессов в регионе; данные о состоянии, структуре и динамике преступности; оценку работы органов, противодействующих преступности, на момент составления программы.

Следует выделять преобладающие виды преступности в регионе: корыстную, насильственную, рецидивную, групповую, организованную, коррупционную, преступность в сфере незаконного оборота наркотиков и преступность несовершеннолетних.

При оценке состояния преступности необходимо учитывать ее фактические масштабы, которые, как правило, превышают зарегистрированные показатели. Поэтому официальная статистика дает важную, но не исчерпывающую картину преступности.

Прогнозирующая часть программы должна учитывать ожидаемые изменения социально-политических, экономических и демографических факторов, а также механизмы их влияния на преступность.

На наш взгляд, работа может строиться по следующей последовательности. Сначала оценивается текущая криминогенная ситуация и выявляются отклонения от обычной динамики, затем формируется прогноз. После этого выбирается мера, определяется исполнитель, ресурс и показатель результата. Такой план не должен оставаться неизменным весь год: при заметном отклонении показателей меру можно усилить, перенести на другую территорию или заменить. В конце периода необходимо сопоставить прогноз, фактические данные и результат конкретной меры.

Сложнее определить, что именно вызвало изменение показателя. Выполненное мероприятие само по себе еще не доказывает его эффективность. Поэтому полезно сравнивать муниципалитеты со сходными социально-демографическими характеристиками, а новые меры по возможности сначала проверять на ограниченном числе территорий. Если показатель изменился, следует учесть сезонность, общероссийскую динамику и возможные изменения правил учета. Такой анализ снижает риск ошибочно связать результат с конкретной мерой.

Из проведенного анализа следует, что региональной программе недостаточно перечислить мероприятия и сроки. Прогноз ценен тогда, когда влияет на выбор действий, а их результат можно проверить. Для оценки одного общего уровня преступности недостаточно: необходимо учитывать ее структуру, различия между муниципалитетами, качество учета и виктимологические риски. Поэтому, на наш взгляд, программа должна допускать пересмотр решений до окончания отчетного года. В этом случае прогноз становится инструментом управления, а не формальным показателем.

Литература

1. Абызов К.Р. Криминологическое прогнозирование и предупреждение региональной преступности: монография. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2010. – С. 86.

2. Аванесов Г.А. Криминология. М., ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 480.

3. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. – М., Наука, 1990. – С. 56.

4. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. – М., ЮрИнфоР, 1999. – С. 137-143.

5. Гладких В.И., Борбат А.В. Прогностические изменения подростковой преступности как основа разработки комплексных целевых программ профилактики правонарушений несовершеннолетних: экспресс-информация. – М.: Академия МВД СССР, 1989. – С. 180-182.

6. Деменченок О.Г., Баранов С.А. Криминологическое прогнозирование на основе тренда при недостаточном качестве описания исходных данных // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1. С. 166–177.

7. Иванцов С.В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. – 2015. – № 3 (53). – С. 123.

8. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам. – М., 2002. Т. 2. – С. 149.

9. Лаптев А.С. Снижение виктимологического риска – основная цель реализации криминологического планирования в правоохранительных органах регионального уровня // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства: сборник научных статей. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. С. 230–238.

10. Лащенко Р.А., Юрченко В.Н. Комплексный анализ оперативной обстановки в криминологическом прогнозировании // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 4 (106). С. 127–133.

11. Молчанова Т.В. Современные методы прогнозирования преступности: от статистического анализа до машинного обучения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 103–108.

Criminological Forecasting and Planning for Countering Regional Crime

Abyzov K.R., Titarenko A.P.

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines regional criminological forecasting as a practical part of crime prevention. The central issue is how a forecast can be connected with a specific measure, a responsible actor, a time limit and a result that can later be checked. The discussion covers approaches to criminological planning, data requirements, territorial differences and scenario estimates. Regional examples show why changes in the overall crime rate should be read together with changes in the structure of crime and local dynamics. Particular attention is paid to victimization risks in ICT-related crime and to the use of technical monitoring systems. The authors argue that a regional program should be revised when actual data diverge from the forecast rather than remain a fixed list of measures.

Keywords: criminological forecasting, crime prevention programs, regional crime.

References

1. Abyzov K.R. Criminological Forecasting and Prevention of Regional Crime: Monograph. – Barnaul: BYuI MVD of Russia, 2010. – P. 86.
2. Avanesov G.A. Criminology. Moscow, UNITY-DANA, 2017. P. 480.
3. Borodin S.V. Fight against Crime: Theoretical Model of a Comprehensive Program. Moscow, Nauka, 1990. – P. 56.
4. Boskholov S.S. Fundamentals of Criminal Policy. Moscow, YurInfoR, 1999. – P. 137-143.
5. Gladkikh V.I., Borbat A.V. Prognostic Changes in Juvenile Delinquency as a Basis for Developing Comprehensive Targeted Programs for the Prevention of Juvenile Delinquency: Express Information. – M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1989. – P. 180-182.
6. Demenchenko O.G., Baranov S.A. Criminological forecasting based on the trend with insufficient quality of the initial data description // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1. P. 166–177.
7. Ivantsov S.V. Criminological forecasting in crime prevention planning // Society and Law. – 2015. – No. 3 (53). – P. 123.
8. Kudryavtsev V.N. Selected works on social sciences. – M., 2002. Vol. 2. – P. 149.
9. Laptev A.S. Reducing the victimological risk is the main goal of implementing criminological planning in regional law enforcement agencies // Criminal Policy: Value Priorities and Legislative Innovations: A Collection of Scientific Articles. Tyumen: Tyumen State University-Press, 2025. pp. 230–238.
10. Lashchenko R.A., Yurchenko V.N. Comprehensive Analysis of the Operational Situation in Criminological Forecasting // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 4 (106). pp. 127–133.
11. Molchanova T.V. Modern Methods of Crime Forecasting: From Statistical Analysis to Machine Learning // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 2. pp. 103–108.